

Это было настолько неожиданно, что Цинь Цан редко так ясно возражал словам Вэнь Цзыцяня. Последний был полностью беспомощен перед упрямством молодого человека, губы его дрожали от гнева. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не смог найти слов для ответа.

— Я знаю, что делаю. Я поступаю с тобой так, как считаю нужным, и мне не нужно, чтобы ты меня учил! — твёрдо заявил Цинь Цан.

— Ты... — Вэнь Цзыцянь впервые оказался в ситуации, когда не мог возразить Цинь Цану. Взглянув на знакомое лицо молодого человека, он вдруг осознал, что перед ним уже не тот мальчишка, который когда-то следовал за ним по пятам и во всём слушался.

Он внезапно почувствовал себя старым и вздохнул:

— В детстве ты был куда милее, особенно послушным. Если я говорил тебе идти вперёд, ты никогда не отступал. Если кто-то обижал меня, ты сразу же бросался в атаку...

— Да, Четвёртый молодой господин Цзи не раз угрожал, что прикончит меня, — сказал Цинь Цан. — Сегодня, увидев Цзи Ханьчжи, я вспомнил его слова: «Бешеная собака, жди».

— Хах... Бешеная собака... Как точно подмечено... — Вэнь Цзыцянь усмехнулся, глядя на него. — Но, Цинь Цан... Сейчас Четвёртый молодой господин Цзи уже не ребёнок. Помни, что всегда есть кто-то сильнее, и он — тот, кому нам лучше не переходить дорогу, понял?

Цинь Цан, с гордо поднятой головой и твёрдым взглядом, ответил:

— Кто посмеет обидеть тебя... Даже сам Небесный Император мне не страшен...

24

Старый дом семьи Вэнь долгое время стоял заброшенным. В последнее время туда часто приходили рабочие, и он вновь наполнился жизнью.

Управляющий Чжан Шунь с радостью руководил слугами, которые убрали и переставляли мебель.

В год, когда с Вэнь Цзыцянем произошла беда, дом был перестроен, добавлено множество приспособлений для инвалидов, мебель тоже переставили. Позже, когда Вэнь Цзыцянь переехал, чтобы сохранить внешний вид, всё вернули на место.

Подъёмник с первого на второй и третий этажи долгое время не использовался, и рабочие тщательно его проверяли. Чжан Шунь стоял у входа и командовал:

— Будьте внимательнее! Это устройство не использовалось несколько лет, вчера при тестировании оно заедало. Если с нашим молодым господином что-то случится, я вам покажу!

Рабочие, которые почти каждый год приходили для обслуживания и ремонта, были хорошо знакомы с Чжан Шунем и ответили:

— Не волнуйся, брат Чжан. Твой молодой господин действительно возвращается?

— Ещё бы, — улыбнулся Чжан Шунь. — Теперь уже не молодой господин, а господин. Главный дом семьи Вэнь не может оставаться без хозяина.

Рабочие сказали:

— Смотри, как ты радуешься! Мы будем внимательны, брат Чжан, не переживай.

Чжан Шунь снова побежал руководить перестановкой мебели:

— Большую мебель ставьте к стене, да, да, освободите проход. Мелкие вещи ставьте у края, не загораживайте дорогу.

Рабочие, когда он отошёл, начали тихо обсуждать.

— Я слышал, что молодой господин семьи Вэнь именно в этом доме получил травму. Паралич нижних конечностей, — он указал губами в сторону лестницы в гостиной.

Кто-то посмотрел туда и со вздохом сказал:

— Какая польза от богатства, если он останется калекой.

— Я слышал, что тогда вместе с ним упал его брат. Кажется, они подрались и случайно упали.

— Да, да, я тоже слышал. Один погиб, другой стал калекой. Какое проклятие на этой семье.

— Говорят, что старший брат переехал, потому что дух младшего брата до сих пор бродит по этому дому.

Самый пугливый из них почувствовал, как по спине пробежал холодок, и сказал:

— Хватит болтать, давайте работать!

Главный дом семьи Вэнь был полон жизни, а в квартире Вэнь Цзыцянь тоже царил суета.

Вэнь Цзыцянь указывал на книжный шкаф:

— Шкаф, стол, включая книги, всё убирайте. Будьте осторожны, книги не испачкайте.

Рабочие из компании по переезду кивнули:

— Не волнуйтесь, господин Вэнь, каждый предмет мы аккуратно упакуем, гарантируем, что даже уголок не помнётся.

Кабинет был переполнен, и инвалидное кресло мешало. Вэнь Цзыцянь выехал в гостиную, где Цинь Цан сидел на диване, погружённый в свои мысли.

— О чём задумался? Так сосредоточен! — Он подъехал на коляске ближе и сел напротив Цинь Цана.

Цинь Цан поднял на него взгляд, пристально смотря ему в глаза, и тихо спросил:

— Почему?

— Что «почему»? — спросил Вэнь Цзыцянь.

Его отношение разозлило Цинь Цана:

— Вэнь Цзыцянь!

— Ну, говори.

— Ты сам знаешь! — Цинь Цан явно сдерживал гнев. В кабинете были рабочие, и он не хотел ссориться при посторонних.

Вэнь Цзыцянь ответил:

— Я действительно не знаю. Ты в последнее время как пороховая бочка, постоянно злишься.

— Почему ты хочешь вернуться? Сколько ты настрадался в старом доме, разве забыл? Вэнь... Вэнь Цзы... — Он несколько раз пытался произнести имя, но так и не смог.

— Вэнь Цзы... — произнёс Вэнь Цзыцянь. — Вы думаете, я настолько слаб, что одно имя может сломить меня?

Цинь Цан вздохнул. Он всё меньше понимал Вэнь Цзыцяня. Он относился к нему как к хрупкой вещи, оберегая его, но этот человек упорно стремился быть Железным человеком.

— Цзыцянь... Разве сейчас не всё хорошо? Мы живём здесь, не думаем о проблемах. Ты можешь делать, что хочешь, я не вмешиваюсь. Я всегда рядом, защищаю тебя. Разве это плохо?

Вэнь Цзыцянь подъехал ближе и погладил его по голове. Волосы стали жёстче, чем в детстве, а характер — упрямее.

— Если не будешь слушаться, я тебя накажу, как в детстве.

В детстве, когда Цинь Цан не слушался, Вэнь Цзыцянь доставал из портфеля линейку и бил его по ладони, пока она не становилась красной.

Цинь Цан резко отклонил голову, пытаясь избежать его прикосновения, но Вэнь Цзыцянь, потянувшись вперёд, чуть не упал. Цинь Цан быстро поддержал его за плечи, провёл рукой по талии и понял, что пояс не был закреплён.

— По-прежнему трудно дышать? — нахмурился Цинь Цан.

Прошёл уже месяц после похорон Вэнь Юаньхана, и Цинь Цан знал, что многие ночи Вэнь Цзыцянь не мог спать. Музыкальная терапия перестала помогать, Се Бо приходил домой трижды для психологической помощи, но эффект был незначительным.

Вэнь Цзыцянь снова замкнулся в своём мире, и никто не мог вытащить его оттуда. Он не мог избавиться от тени смерти Вэнь Юаньхана, сердце его постоянно сжималось, словно вот-вот разорвётся. Он знал, что не должен слишком сильно волноваться, но не мог сдержаться. Часто посреди ночи у него начиналась астма, и первые две недели Цинь Цан не спал ни одной ночи.

А-Бинь предложил перенести могилу Ли Цзясюэ. Услышав это, Вэнь Цзыцянь немного успокоился и наконец смог спокойно спать по ночам.

Цинь Цан немедленно занялся организацией, помогая Вэнь Цзыцяню перенести могилу Ли Цзясюэ в город Б и похоронить её рядом с Вэнь Юаньханом. Когда он закончил все приготовления и вернулся, то столкнулся с неприятной новостью: Вэнь Цзыцянь собирался переехать.

Он был так зол, что с прошлого вечера не разговаривал с Вэнь Цзыцянем.

Видя, что Вэнь Цзыцянь молчит, Цинь Цан повысил голос:

— Ты всё время мне врешь, даже о своём здоровье. Ты совсем не считаешься со мной.

Вэнь Цзыцянь не знал, что делать, и не хотел ссориться. Он сдался:

— Я не вру.

— По телефону ты сказал, что всё в порядке, — Цинь Цан помог ему сесть прямо и уставился на него.

Вэнь Цзыцянь опёрся на подлокотники:

— Да, астма прошла. За две недели, пока тебя не было, ни разу не было приступа.

— Не дури мне голову, — пробормотал Цинь Цан и крикнул в сторону спальни:

— А-Бинь, А-Бинь!

Вэнь Цзыцянь прикрыл ему рот рукой:

— Дай ему поспать, он за эти две недели устал. Правда, приступов не было, просто трудно дышать, а с поясом ещё хуже.

Цинь Цан с жалостью погладил его по спине, нахмурившись:

— Почему ты вдруг решил вернуться?

— Это не вдруг... После смерти отца я всё время думал об этом... Это старый дом семьи Вэнь... С времён моего деда глава семьи всегда жил там, там же находятся и их таблички предков.

На третьем этаже старого дома была комната, где находились статуя Кшитигарбхи и таблички умерших. Многие братья, которые сражались бок о бок с дедом Вэнь Цзыцяня, также были там почтены, и их духам постоянно возносили молитвы, чтобы они могли переродиться.

В молодости Вэнь Цзыцянь спросил деда:

— Дедушка, ты действительно веришь в существование призраков и реинкарнацию? Ты действительно веришь, что после смерти душа не умирает и может переродиться?

Дед улыбнулся и ответил:

— Верить — есть, не верить — нет. На самом деле я тоже не особо верю, но когда ты считаешь их, зажигаешь благовония и разговариваешь с ними, это даёт тебе чувство надежды.

Тогда Вэнь Цзыцянь не понимал и считал это самообманом. Теперь он наконец осознал, что иногда люди живут ради этой нити надежды, которая поддерживает их.

<http://bllate.org/book/16224/1457485>